

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

БЕЛОРУССКАЯ ПРОМАШКА ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

В советское время белорусские газеты и журналы о том событии не писали, хотя о нём в своем кругу нередко судачили ветераны партийной и исполнительской работы. Это была тема для разговоров под соответствующее настроение, однако отнюдь не для прессы, поскольку затрагивалась ситуация, связанная с невыполнением решения вышестоящего комитета, что никак не сочеталось с чуть ли не ежедневно звучащими требованиями строго блюсти партийную дисциплину. Тем более, речь в данном случае шла о выполнении постановления самого главного партийного штаба — ЦК КПСС. Но всплывала тема всё-таки довольно часто, ведь она касалась не кого-либо, а первого лица в партийном руководстве белорусской республики. Кроме того, интерес к ней невольно подогревало то, что к ней имел прямое отношение сам Лаврентий Берия, при упоминании о котором долгие годы ни у кого из аппаратчиков, да и не только аппаратчиков, отнюдь не улучшалось настроение.

В июне 1953 года — всего через три месяца и одну неделю после смерти И. В. Сталина — в Москве было принято решение заменить почти три года работавшего первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии русского по национальности Н. С. Патолочева на белоруса М. В. Зимянина, недавнего второго секретаря ЦК КПБ, к тому времени переведённого в Министерство иностранных дел СССР. Николаю Семёновичу были предъявлены две серьёзные претензии. Одна из них заключалась в том, что Центральным комитетом и бюро ЦК КПБ и, конечно же, им самим были допущены серьёзные ошибки в проводимой в республике кадровой политике. Особенно если посмотреть на эту политику с национальной точки зрения. Вторая указывала на значительные промахи в руководстве сельским хозяйством. Но белорусский ЦК тогда не поторопился взять под козырёк...

Со временем та история стала обрастать легендами, к чему приложили руку даже её участники и свидетели. В книге Н. С. Патолочева "Совестью своей не поступись", вышедшей в московском издательстве "Сампо" в середине 90-х, сказано, что на Пленуме ЦК КПБ, который и должен был решить его судьбу, запланированный ход событий сломал руководитель Дзержинского райкома партии Л. М. Лемешонок. Выйдя на трибуну в ходе обсуждения доклада, он заявил: "На пленуме присутствует 154 первых секретаря районных комитетов партии. Они не будут голосовать за освобождение первого секретаря ЦК". Один из отцов белорусской литературы Якуб Колас, который после Великой Отечественной войны вступил в партию и был избран членом ЦК, тоже не стал критиковать, а, наоборот, поблагодарил Николая Семёновича от имени белорусского народа "за хорошую работу в Белоруссии", затем подошёл и демонстративно пожал ему руку, после чего зал взорвался аплодисментами.

Всё это сразу стало известно в ЦК КПСС, и вскоре оттуда раздался телефонный звонок: Москва не будет настаивать на освобождении Патоличева от должности первого секретаря ЦК КПБ.

Однако почётный гражданин Минска В. И. Шарапов, почти два десятилетия возглавлявший столичный горисполком и горком партии, в вышедшей несколько лет назад книге "Время расставляет нас по местам" нарисовал несколько иную картину. Василий Иванович, участвовавший в том Пленуме в качестве партийного руководителя Сталинского – теперь Заводского – района белорусской столицы, о выступлении Якуба Коласа даже не вспомнил. Главную заслугу, связанную с отстаиванием Патоличева, он отнёс всецело на счёт Л. М. Лемешонка, заявившего, что Николай Семёнович сделал очень много хорошего, что свой пост занимает вполне заслуженно, что в недостатках, которые есть, не меньше виноваты глава правительства и другие люди, ответственные за состояние дел в республике. Критику первого секретаря, которого многие уже стали называть бывшим, он квалифицировал как шельмование и напомнил участникам Пленума, что они собрались не для демонстрации молчаливого согласия с постановлением ЦК КПСС. Притом, подчеркнул В. И. Шарапов, такое смелое суждение он высказал уже после того, как председатель Совета Министров БССР А. Е. Клещев поблагодарил ЦК КПСС за мудрое решение поставить во главе белорусского ЦК молодого белоруса, пусть уклончиво, но поддержал московскую установку Председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, а председатель Госплана И. Л. Чёрный подверг Патоличева разгромной критике за состояние дел в экономике. После сказанного Л. М. Лемешонком "зал замер, а затем взорвался шквалом аплодисментов". Все последующие выступающие выразили полную поддержку Николаю Семёновичу. Представитель ЦК КПСС побежал звонить в Москву. Спустя некоторое время объявили тайное голосование с вопросом "Надо ли проводить перевыборы первого секретаря ЦК КПБ". За Патоличева высказалось 546 человек, против не проголосовал никто, воздержалось четверо. Результаты голосования были встречены овациями. О результатах тайного голосования, отметил В. И. Шарапов, участники Пленума догадались ещё до их оглашения, так как в президиум на сей раз первым вышел Патоличев, а не Зимянин, как это было при открытии Пленума.

Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, в частности, стенограмма того самого Пленума, свидетельствуют, что уважаемых людей память всё-таки подвела. И Патоличева, и Шарапова. Впрочем, книга Патоличева вышла в свет через шесть лет после его смерти, составлялась, видимо, уже не им, и минские жизненные пертурбации Николая Семёновича, о которых в ней идёт речь, изложены, скорее всего, на основе чьих-то рассказов, семейных разговоров. Реальные же события развивались несколько иначе. Во-первых, секретарь Дзержинского райкома партии Л. М. Лемешонко о том, что 154 его коллеги не будут голосовать за снятие Н. С. Патоличева, не говорил и не мог говорить, так как не все первые секретари горкомов и райкомов были членами ЦК и имели право голоса на Пленуме. Во-вторых, Якуб Колас в своём выступлении Патоличева даже не упомянул. Не отмечено в стенограмме и то, что он демонстративно пожимал Николаю Семёновичу руку, хотя она фиксировала даже возгласы из зала по ходу дебатов. Впрочем, Якуб Колас умудрился не упомянуть даже постановление ЦК КПСС, ради выполнения которого собран был сам Пленум ЦК КПБ. В-третьих, председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов отнюдь не "высказал поддержку московскому решению". В-четвёртых, глава тогдашнего белорусского правительства А. Е. Клещев на Пленуме не выступал вовсе. В-пятых, тайного голосования не было, все решения принимались открытым поднятием рук, поскольку это был Пленум, а бюллетени и урны тогда предусматривались для отчетно-выборных партийных конференций и съездов. Право принятия решения имели только 111 прибывших на Пленум членов ЦК – именно эту цифру, открывая заседание, назвал секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов, а не 550, как следует из воспоминаний Шарапова. Впрочем, судя по протоколу, в зале тогда находилось в общей сложности 518 человек. Помимо членов, кандидатов в члены ЦК и членов ревизионной комиссии ЦК, там присутствовали партийные секретари от районного уровня и выше, а также работники аппарата ЦК, начиная с заведующих секторами, министры и их заместители, секретари ЦК и обкомов республиканского комсомола, видные

представители науки, литературы и искусства, члены военных советов Минского и Барановичского военных округов, существовавших тогда на территории БССР, редакторы главных республиканских газет и журналов, начальники областных управлений МВД... По сути, были представлены все государственные и общественные структуры.

В то же время было ещё одно обстоятельство, от которого судьба Патолочева зависела не меньше, чем от волеизъявления белорусского партийного актива, хотя и находилось оно далеко за пределами зала, в котором заседал Пленум. Имья ему — первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. Вопрос о замене Н. С. Патолочева на М. В. Зимянина на посту первого секретаря ЦК КПБ перед Президиумом ЦК КПСС поставил именно он. По его записке 12 июня 1953 года Президиум принял специальное постановление “Вопросы Белорусской ССР”. И записка та появилась, конечно же, вовсе не потому, что Лаврентий Павлович вдруг озаботился должностным ростом Михаила Васильевича или даже ускорением экономического развития республики-партизанки. Берия, можно не сомневаться, руководствовался иными, сугубо собственными соображениями и опасениями, вызревшими у него в связи с кончиной Сталина, а Зимянину предстояло стать инструментом в достижении поставленных целей или жертвой в случае неудачи.

“Лубянский маршал”, как его тогда называли за глаза, похоже, к смерти “вождя всех народов” был готов лучше других сподвижников генералиссимуса, потому начал действовать немедленно, когда, как говорится, ещё не остыло тело того, кому недавно все поклонялись. Притом действовать весьма настойчиво, бесцеремонно обходя других. Впоследствии В. М. Молотов — уже на июльском Пленуме ЦК КПСС — в ходе рассмотрения вопроса “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия” говорил, что позвонил Лаврентию Павловичу сразу после кончины Сталина и спросил, почему именно он решил назвать имя нового главы Совета Министров, “почему, собственно говоря, премьер-министра на сессии Верховного Совета, предложенного партией, рекомендует не секретарь Центрального Комитета Хрущёв?” Ответ был кратким: “Нет, я”. Речь с трибуны Мавзолея на похоронах Сталина произносил тоже Берия.

Надо полагать, Лаврентия Павловича больше всех тревожили грядущие изменения в государственной политике, которые должны были неизбежно произойти после ухода в мир иной того, кто руководил страной много лет. Ресурс закручивания гаек был почти исчерпан, маячила опасность “сорвать резьбу”, потому ослабление нажима во всех сферах жизни становилось попросту неизбежным, но при подобном повороте не исключалось, что встанет вопрос об ответственности и за ошибки и поражения, и особенно за репрессии. Будучи отнюдь не глупым человеком, Берия не мог не осознавать, что в таком случае именно он окажется в наиболее уязвимом положении, ведь важнейшим инструментом репрессий являлись наркоматы-министерства внутренних дел и государственной безопасности, к деятельности которых он уже полтора десятка лет имел непосредственное отношение. Притом, если до этого дойдёт дело, ему придётся ответить и за своих предшественников во главе НКВД, — к примеру, за Н. И. Ежова и его “ежовые рукавицы”. И такой исход устроил бы многих. На Берию с удовольствием всё свалил бы и Хрущёв, который, будучи первым секретарём Московского горкома партии, сам требовал наибольших квот на расстрелы, мотивируя это тем, что столица в борьбе с врагами народа не может оставаться от какой-нибудь Калуги. Годы спустя и Зимянин подчёркивал, что, “подвергая критике Сталина за репрессии, Хрущёв тем самым в какой-то степени замаливал собственные грехи...”

Потому Берия предпочёл действовать на опережение. С одной стороны, он стал первым называть злоупотребления и перегибы в деятельности правоохранительной системы. Ситуацию для него здесь облегчало то, что с декабря 1945 года он уже не был непосредственным руководителем НКВД и НКГБ, преобразованных в 1946 году в МВД и МГБ, а лишь курировал их в качестве заместителя председателя правительства СССР, притом зачастую остро конфликтовал с теми, кто их возглавлял. С другой — под видом исправления ошибок на важных участках Берия начал расставлять верных ему людей, которым и предстояло поддерживать его в продвижении к вершине властной пирамиды.

Лишь такой поворот событий мог гарантировать ему уход от ответственности и личную безопасность.

Почему 5 марта 1953 года на совместном заседании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Берия рекомендовал новым главой советского правительства именно Маленкова? Надо полагать, не только потому, что у него была договоренность с Георгием Максимилиановичем, согласно которой тот сразу же назовёт Берию своим первым заместителем и одновременно главой министерства внутренних дел, поглотившего уже министерство государственной безопасности. Были и другие, не менее значимые причины. Надо полагать, имеют резоны те, кто утверждает, что немедленный приход на высший пост в исполнительной власти ещё одного грузина на смену только что ушедшему грузину, столь долго руководившему огромной и многонациональной страной, выглядел бы не совсем красиво и объяснимо. Потому требовалась переходная фигура. Кроме того, формально Маленкова трудно было обойти, поскольку он ещё при Сталине стал в партийном и государственном аппарате фигурой номер два после самого вождя. Наконец, что ещё важнее, именно та формальная значимость была выгодна для Берии, так как он не видел в Маленкове серьёзного соперника в борьбе за власть. И не ошибся. Георгий Максимилианович, сразу заговоривший о коллективном руководстве, в самом деле, бойцом не был, что вскоре и подтвердилось со всей очевидностью. Через два года он стал обычным министром, а ещё через два — директором электростанции в далёком казахстанском Экибастузе.

Да и в целом вряд ли Берия считал кого-либо большим препятствием на своём пути к самой высшей власти, что в какой-то мере и может объяснить всплеск его активности. Из вновь назначенных первых заместителей председателя Совета Министров тот же Н. А. Булганин, хотя он одновременно возглавлял и военное министерство, решительностью не отличался. Склонный Л. М. Каганович не мог рассчитывать на широкую поддержку, поскольку с многими испортил отношения. Опаснее был В. М. Молотов — давний соратник Сталина, ведавший иностранными делами, до войны даже возглавлявший советское правительство, но он очень долго пробыл на вторых ролях, что не могло не отразиться на его характере и поступках. В этом Берия ещё раз убедился, дав ему краткий и резкий ответ на вопрос, кто должен назвать кандидата на пост главы правительства. И Вячеслав Михайлович, как и полагал Лаврентий Павлович, упираться не стал.

Кроме того, Молотову шёл уже седьмой десяток лет. Ещё больше — восьмой десяток — отсчитывал маршал К. Е. Ворошилов, занявший пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Был ещё секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, но ему Президиум ЦК рекомендовал сосредоточиться “на работе в Центральном Комитете КПСС”. Сомнительно, что хитрого, но малообразованного Никиту Сергеевича Берия тоже принимал всерьёз в своих расчётах, однако, как потом оказалось, именно Хрущёв оказался организатором всех его будущих невезений. Впрочем, не только он. Дальнейшие события развивались так, что, в отличие от Лаврентия Павловича, ушедшего в мир иной с пулей во лбу в 54 года, все его соперники умерли своей смертью в почтенном возрасте: Хрущёв — в 77, Маленков — в 87, Ворошилов — в 88, Молотов — в 96, Каганович — в 98 лет.

Тогда Берия не знал, что 1953 год станет последним в его жизни, но, как свидетельствуют факты, руководствовался тем, что медлить нельзя. Уже на четвёртый день после похорон Сталина — 13 марта — он издал приказ по МВД о создании следственных групп для пересмотра дел арестованных врачей, а также бывших сотрудников МГБ СССР, работников Главного артиллерийского управления военного министерства, арестованных работников МГБ Грузинской ССР. Затем — 26 марта — о пересмотре дел по обвинению бывшего руководства ВВС и министерства авиационной промышленности СССР, жертвой которого в своё время стали маршалы авиации А. А. Новиков, С. А. Худяков и министр авиационной промышленности А. И. Шахурин, а 4 апреля последовал приказ “О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия”.

В те же дни одна за другой ушли специальные записки в Президиум ЦК КПСС: 26 марта — о проведении амнистии, 1 апреля — о реабилитации лиц, привлечённых по делу о врачах-вредителях, 2 апреля — о привлечении к уголовной ответственности виновных в убийстве в Минске С. М. Михозлса

и В. И. Голубова, 8 апреля — о неправильном ведении дела так называемой мингрельской националистической группы, 17 апреля — о реабилитации бывшего заместителя военного министра маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника артиллерии И. И. Волкотрубенко и заместителя министра вооружения И. А. Мирзаханова, 6 мая — о реабилитации застрелившегося в 1941 году наркома авиационной промышленности М. М. Кагановича, 13 мая — об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей, 15 июня — об ограничении прав особого совещания при МВД СССР. Ещё 19 марта были смены руководители МВД во всех союзных республиках и в большинстве регионов РСФСР. В Минске с должностью министра внутренних дел расстался русский М. И. Баскаков, его сменил уроженец Петриковского района Гомельской области М. Ф. Дечко. В Могилёве с поста областного управления внутренних дел сняли полковника Почтенного, поскольку он был русским. Как потом утверждал Патолитчев, “Берия одним взмахом... без ведома ЦК Белоруссии снял с руководящих постов русских, украинцев... Готовилась такая замена до участкового милиционера включительно”. Поначалу, казалось, всё идёт нужным для Берии чередом. Президиум ЦК КПСС 10 апреля 1953 года даже принял постановление, одобряющее “проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершённых на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве госбезопасности СССР, выражавшихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов”.

В то же время Берия не мог не понимать, что усилий, предпринимаемых только в рамках подчинённых ему ведомств, будет недостаточно. Потому по его же приказам Президиум ЦК КПСС принял специальные постановления по трём республикам: 26 мая — “О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР” и “О положении в Литовской ССР”, а 12 июня — “Вопросы Белорусской ССР”. Во всех трёх документах главной причиной недостатков были названы “извращения ленинско-сталинской национальной политики”, выразившиеся в том, что на руководящую работу мало выдвигались местные кадры, а в деловых отношениях и системе просвещения господствовал русский язык. Малым числом местных выдвиженцев в органах партийной и государственной власти объяснялось даже продолжающееся существование бандеровщины на Украине и националистического подполья в Литве. Обстановка на той же Западной Украине, в самом деле, была весьма сложной. Бандеровцы продолжали нападения на органы власти, вели индивидуальный террор против военных и милиции, оставалась весьма накалённой атмосфера страха. Как отмечалось в постановлении, посвящённом Украинской ССР, дело дошло до того, что “около 8000 человек из молодёжи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, перешло на нелегальное положение”. Тем не менее, девяти обкомам и руководству Украины была поставлена задача “добиться изжития огульного недоверия к западно-украинским кадрам” и “обеспечить их наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинской ССР”. Первый секретарь ЦК КП Украины Л. Г. Мельников, русский по национальности, после принятия упомянутых постановлений был освобождён от занимаемой должности.

Первому секретарю ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечкусу тогда повезло. Он остался на своём посту, поскольку был литовцем, однако оценка положения дел в республике была такой же: “огульное недоверие к литовским кадрам”. Главной задачей тоже названо их “выращивание и широкое выдвижение... во всех звеньях партийного, советского и хозяйственного руководства”. Требовалось сразу же “отменить ведение делопроизводства во всех партийных, государственных и общественных организациях Литовской ССР на нелитовском языке... Заседания Совмина, бюро и пленумы ЦК КП Литвы, а также городских и районных комитетов партии и исполкомов Советов депутатов трудящихся проводить на литовском языке”.

Постановление, касающееся БССР, было самым коротким. Его констатирующая часть состояла всего из двух абзацев. В первом тоже отмечалось, что и “в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с выдвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы”. При этом подчёркивалось, что “особенно неблагоприятным является привлечение на руководящую работу

в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов – уроженцев этих областей, что является грубым извращением советской национальной политики”. Во втором было указано на наличие “серьёзных недостатков в колхозном строительстве”. Постановляющая часть гласила: “Освободить т. Патоличева Н. С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС”, – а вместо него “рекомендовать первым секретарём ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М. В., члена ЦК КПСС, быв[шего] второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР”. Третий пункт обязывал ЦК КПБ “выработать необходимые меры по исправлению отмеченных извращений и недостатков и обсудить их на Пленуме ЦК КП Белоруссии. Доклад на Пленуме ЦК КП Белоруссии поручить сделать т. Зимянину”.

В доступных документах не удалось пока найти готового ответа на вопрос, почему выбор Берия пал именно на Зимянина. Конечно же, делая ставку на недавнего второго секретаря ЦК КПБ, он руководствовался не только официальными политическими характеристиками этого человека. Разумеется, он хорошо изучил личное дело Михаила Васильевича и знал, что тот, в пятнадцать лет начав трудовую жизнь рабочим паровозоремонтного депо в Витебске, уже в двадцать шесть возглавил ЦК белорусского комсомола, во время войны долгое время провёл на оккупированной гитлеровцами территории, занимаясь формированием подполья и партизанским движением, а после неё стал министром просвещения, затем секретарём, вторым секретарём ЦК КПБ. Берия не мог не заметить и того, что Зимянин обладает цепкой хваткой, умеет, “когда партия прикажет”, идти напролом и не очень-то церемониться с теми, кто оказывается на его пути. “Небольшого роста, щуплый, подвижный, как ртуть” – так характеризовал его известный дипломат и журналист, руководивший в 1988–1991 годах международным отделом ЦК КПСС, дипломат и историк Валентин Михайлович Фалин.

Было в его характере и ещё нечто, часто присущее людям невысокого роста, – обострённое самолюбие. Красноречивый в этом смысле случай произошёл в апреле 1947 года в Москве в кабинете Маленкова, который в ЦК КПСС в то время был ответственным за кадровую политику. Зимянина тогда выдвигали на должность секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Когда он вошёл в кабинет, Маленков воскликнул: “Какой же Вы маленький!” Зимянин мгновенно взвился: “Вы ошиблись адресом. Поищите кого-нибудь ростом повыше!” Развернулся и пошёл к выходу. Маленкову пришлось успокаивать потенциального выдвиженца: “Постойте, не горячитесь. Мы же оба понимаем, что не это главное”. Описание того, что произошло в кабинете Маленкова, привёл в своих публикациях Михаил Бублеев – под таким псевдонимом выступал в печати сын Зимянина: И добавил, что Маленков, поражённый такой реакцией, рассказал об этом событии даже Сталину.

Вряд ли можно сомневаться в том, что особенности характера Михаила Васильевича в полной мере учитывал и Берия. И не исключено, на них он во многом и рассчитывал. Он и его люди не могли не поинтересоваться тем, почему человек, работавший вторым секретарём республиканского ЦК, избранный членом ЦК КПСС на XIX съезде партии, проходившем под руководством самого Сталина, вдруг оказался на второразрядной работе в союзном МИДе. В воспоминаниях Патоличева на эту тему содержится лишь маленький намёк, на первый взгляд, даже косвенный. Он пишет, что по прибытии в Минск ему с первых дней “бросилась в глаза разобщённость в работе бюро ЦК... Председателем Президиума Верховного Совета работал В.И.Козлов, Председателем Совета Министров – Алексей Ефимович Клещёв. Оба коренные белорусы, опытные работники, Герои Советского Союза... Кто или что вносило разобщённость...” Ни одного плохого слова прямо в адрес Зимянина Патоличев, однако, не сказал.

Куда больше эмоций на сей счёт содержится в том, что рассказывал Зимянин. В большом интервью, публикация которого в белорусской республиканской газете “Звезда” в июле-августе 1992 года растянулась на дюжину номеров, он говорил о Патоличеве как об опытном партийном работнике, которого “в то же время отличала открытая самовлюблённость, склонность к авторитарному стилю руководства”. Михаила Васильевича “особенно настораживала его хитрость”. По его словам, “Патоличев был не из тех, кто говорил прямо”. Вот почему “я всегда работал с ним с определённой оглядкой,

хотя в целом отношения были в пределах нормы”. Зимянин не привёл ни одного примера патолличевской хитрости или непрямоты, но из его слов со всей определённости следует, что его отношения с новым первым секретарём не складывались. Впрочем, не сложились они и с его предшественником Н. И. Гусаровым, которого Михаил Васильевич называл человеком, ничего не смыслящим в белорусских делах.

Надо полагать, Патолличев, до Минска успевший побыть во главе Ярославского, Челябинского, Ростовского обкомов партии, поработать секретарём в ЦК Компартии Украины и даже секретарём ЦК ВКП(б), вряд ли мог согласиться с тем, что он не способен по-настоящему вникнуть в белорусские проблемы и решать их, если даже ему на это намекали. Однако доводить дело до ещё одного конфликта он, похоже, не стал, решив, что лучше “выдвинуть” малосговорчивого Михаила Васильевича на работу в союзную столицу. А возможности убедить кого надо в том, что Зимянина лучше использовать на другом поле деятельности, у него были. Ведь он в 1946–1947 годах в ЦК ВКП(б) занимался именно кадровыми вопросами. Потому опыт, связанный именно с таким методом перемещения кадров, у него тоже был. Более того, он был обогащён уже в Минске. Буквально через год после прибытия в белорусскую столицу подобным образом Патолличев избавился (и избавил белорусскую республику) от министра госбезопасности Лаврентия Цанавы, имя которого вызывало у всех те же ассоциации, что и имя его тезки и самого известного земляка Лаврентия Берии. Николай Семёнович, как утверждают, внушил Москве, что Цанава созрел для выполнения куда более объёмных задач, чем те, которые он решает в маленькой БССР.

Делая ставку на Зимянина, Берия понимал, что в данном случае ему будут на руку и холодные отношения между Михаилом Васильевичем и Николаем Семёновичем. Его контакты с Зимяниным начались по телефону. Как следует из “Объяснения М. Зимянина Н. С. Хрущёву о содержании разговоров с Л. П. Берия”, датированного 15 июля 1953 года, их было два, а “первый телефонный разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. “Вопросы Белорусской ССР”. Я работал тогда в МИД СССР. Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлёвскому телефону Берия... Берия спросил, как я попал в МИД? Я ответил, что был в ЦК КПСС, что состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я и работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку”.

Как показало время, Зимянин несколько лукавил, когда утверждал в своём объяснении, что не помнит точной даты первого телефонного звонка из секретариата Лаврентия Павловича. Михаил Бублеев в своей публикации об отце “Испытание властью”, помещённой в январском номере белорусского журнала “Неман” за 1992 год, вполне конкретен: “Вечером 8 июня 1953 года в кабинете заведующего Четвёртым Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянина раздался звонок. Звонили по городскому телефону: “Михаил Васильевич? Добрый вечер. Вас беспокоят из секретариата товарища Берия. Лаврентий Павлович просит Вас перезвонить ему по кремлёвской связи”. Через минуту Зимянин разговаривал с Берия...” Нетрудно догадаться, что эту дату ему называл отец.

Надо сказать, звонок из аппарата Берия изрядно встревожил Зимянина. Он сразу же доложил об этом своему самому главному начальнику — В. М. Молотову. Притом докладывал дважды. По телефону и устно. Предположив, что Берия намерен забрать его в структуры МВД, Михаил Васильевич сказал Вячеславу Михайловичу, что хотел бы остаться в его подчинении. Таким образом, он прозрачно намекнул, что переход под крыло “любянского маршала” его не прельщает. Однако Молотов “дал понять, что речь идёт об ином предложении, против которого ему трудно возражать”. Бублеев в этой связи добавляет, по-видимому, тоже со слов отца, что ответ Молотова звучал сухо. Умолчал тогда глава МИДа, отмечено в объяснении, и о записке Берия, уже направленной в Президиум ЦК КПСС и касающейся БССР.

Второй телефонный звонок поступил 12 июня — в день принятия постановления “Вопросы Белорусской ССР”. Зимянину было предложено явиться на беседу “в понедельник, 15 июня 1953 г.”. Она состоялась вечером, длилась

около двадцати минут и вновь началась с уточнения, как Зимянин попал на работу в Москву. После этого Берия заявил, что "решение о моём назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему". Ответ по принципу "моё дело солдатское", вопрос решал ЦК, а он, Зимянин, должен не рассуждать, "правильно ли это или неправильно, а выполнять решение, как и всякое другое", вызвал иной вопрос "лубянского маршала": почему "белорусы удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают — они молчат, хлеба дают мало — они молчат... Что за народ белорусы?" Зимянин, как он пишет, ответил, что "белорусы — хороший народ", добавив при этом, что в то время он не знал, "с каким заклятым врагом партии и народа" имеет дело, потому "принял эти слова как произнесённые не всерьёз (так в тексте. — Я. А.)". Затем ему последовал вопрос о том, как недавний второй секретарь ЦК КПБ оценивает Патоличева. Не дав сформулировать ответ, "Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу "объективщину", что Патоличев — плохой руководитель, пустой человек". Затем он сообщил, что "он написал записку ЦК КПСС, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать".

А далее последовало весьма серьёзное предупреждение и не менее серьёзная рекомендация. Предупреждение, сообщал Зимянин, состояло в том, что на новой работе он "не должен искать себе "шефов", чем, по мнению Берии, грешили его предшественники. Попытки отделаться общими словами, что "шеф" в партии есть один — Центральный Комитет", не были приняты, "Берия вновь заявил мне, чтобы я не искал себе "шефов". Притом, уточняет Зимянин, это уже прозвучало весьма резко, как явная угроза, потому пришлось ответить, что он учтёт этот совет. А рекомендация состояла в том, на кого должен будет опираться новый первый секретарь ЦК КПБ: "Надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов — поддерживать Вас". Притом Берия подчеркнул это дважды. Затем пересказал основные положения записки, посвящённой белорусским делам, о которой Зимянин ещё ничего не знал, сообщил, что уже назначен новый белорусский министр внутренних дел, в третий раз посоветовал не искать себе "шефов". На этом разговор закончился. Подробно с той запиской Зимянина познакомили в секретариате Берии.

Зимянин не скрывал, что был не на шутку встревожен. Ведь даже записку ему показали не в ЦК КПСС, а в МВД, потому в Минске её "никому не оглашал, а после Пленума ЦК КП Белоруссии отправил её в Канцелярию Президиума ЦК КПСС". В то же время можно не сомневаться, что он понимал, что выбора у него нет, тем более что принятое постановление Президиума ЦК КПСС уже делало его фактическим главой ЦК КПБ и БССР. Ровно через месяц ему пришлось пояснять: "После разоблачения Берия Президиумом ЦК КПСС я сознаю, что шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными от начала до конца, а ознакомление с его запиской — попыткой подкупа или шантажа, разобраться в которой я вовремя не сумел. Глубоко сожалею, что оказался в таком положении. Но Берия я раньше не знал — никогда не был у него, не знал подлых повадок этого предателя, относился к нему, как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было и его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать". В завершение Зимянин заверил: "Заявляю Центральному Комитету КПСС, что никогда ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания". А тогда, после вечерней беседы, он сразу же уехал в Минск готовить доклад и Пленум. Вслед за ним была почтой отправлена записка.

Через много лет Зимянин жаловался, что его "тогда просто загнали из Москвы в Минск" по партийному правилу "надо". Но за дело он взялся довольно рьяно. Впрочем, иного пути у него и не было. Готовился доклад, проводились совещания с активом, в срочном порядке подбирались новые кадры для замены тех, кто должен был так же срочно уйти. Вопрос о том, каковой ли будет предстоящая замена, похоже, не всегда стоял на первом

месте. Важна была сама замена. Вот как уже на Пленуме об этом говорил первый секретарь Волковысского райкома партии А. Ф. Бурлаков: “Подобрано и утверждено в бюро райкома 6 человек из местных, в том числе два заведующих отделами. Новый состав аппарата будет иметь 65 процентов белорусов, 30 процентов русских, 5 — иной национальности”. При этом Бурлаков признал, что “мы взяли в аппарат молодых коммунистов, принятых в члены партии в 1953 году”, что “у них нет никакого опыта руководящей работы”. В этом же направлении “мы ведём работу по советским, сельскохозяйственным, заготовительным и финансовым кадрам”.

Местное происхождение стало считаться чуть ли не главным достоинством, уйти же предстояло русским, особенно тем, кто не сподобился изучить белорусский язык. Через много лет М. В. Зимянин в интервью газете “Звезда” для объяснения того, что происходило на самом деле, привёл слова Н. С. Хрущёва из его воспоминаний, изданных за пределами СССР, который писал, что “линия на выдвижение национальных кадров в руководстве союзных республик всегда была налицо. Но он (Берия. — Я. А.) поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности... Он хотел сплотить националов и объединить их против русских”. Первый секретарь ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечук ещё в советские годы тоже отмечал, что в Литве решение, принятое в Москве по записке Берия, националы восприняли с воодушевлением, по республике сразу же пошли разговоры о том, что лишь только уедут русские партияицы, “литовских коммунистов перебьём, как кроликов”.

В тоже время нужно сказать, что постановление Президиума ЦК КПСС для Патолочева не стало неожиданностью. Ещё до его выхода неприятную новость о предстоящем появлении этого документа ему сообщил министр госбезопасности БССР М. И. Баскаков. А Баскакову, как говорится в книге “Совестью своей не поступись”, по секрету рассказал его коллега П. П. Кондаков, который был министром госбезопасности Литвы, а до Литвы некоторое время работал заместителем министра госбезопасности СССР, так что связи в Москве у него оставались. Баскаков, получив такие сведения, проинформировал Патолочева о том, что “Берия разработал план разгрома руководящих кадров в республике”. Николай Семёнович не стал пассивно ждать, поехал в главную столицу к Маленкову и задал соответствующие вопросы. Тот ответил, что ничего не знает об этом, что такого разговора не было. Хрущёв тоже заявил, что украинское дело белорусского продолжения иметь не будет, мол, спокойно возвращайся в Минск. Патолочев пишет, что он звонил даже Берии и просил о встрече, но тот от неё уклонился. Значит, подумалось ему, события всё-таки развиваются в том направлении, о котором предупреждали Кондаков с Баскаковым. Получается, размышлял он в этой связи, секретари ЦК в самом деле не знают или делают вид, что не знают. А через неделю ему позвонил Хрущёв, пригласил вновь прибыть в Москву, где и сообщил о предстоящем освобождении. Никакие доводы Патолочева приняты не были. Тогда он попросил разрешения не присутствовать на Пленуме, где будет обсуждаться организационный вопрос, и даже уверенно рубанул: “Пленум меня поддержит”. Хрущёв возразил, что есть решение ЦК, которое надо выполнять. Патолочев ещё раз заявил, что Пленум поддержит его, а не Зимянина.

Вопрос “Об очередном пленуме ЦК КП Белоруссии” на заседании бюро ЦК КПБ был рассмотрен 17 июня без Николая Семёновича. Решено было “созвать очередной IV Пленум ЦК КП Белоруссии 25 июня 1953 года со следующей повесткой дня:

*С полным текстом документа можно
ознакомиться
в здании библиотеки*